

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-6-361-369

ВЛАСОВ Вячеслав Андреевич,
Аспирант второго года обучения,
Департамент Публичного Права,
Тольяттинский государственный университет,
e-mail: slava-vlasov-2000@mail.ru

Научный руководитель:
ЛИПИНСКИЙ Дмитрий Анатольевич,
доктор юридических наук, профессор,
профессор Департамента Публичного Права,
Тольяттинский государственный университет,
e-mail: dmitri8@yandex.ru

МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ПРОБЛЕМА ПОНЯТИЯ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена сохраняющейся терминологической многозначностью категории «механизм реализации юридической ответственности» (МРЮО) и отсутствием целостной теории, интегрирующей позитивный и негативный аспекты ответственности. Цель работы заключается в системном анализе эволюции научных подходов к пониманию МРЮО, выделении его сущностных признаков и построении на этой основе интегративной теоретической модели, преодолевающую узость ретроспективных трактовок. Методологическую базу исследования составляют диалектический и системный подходы, позволившие рассмотреть механизм в единстве статичности и динамики. Использованы формально-юридический метод, а также синтез структурно-элементного, процессуально-стадийного, функционально-целевого и инструментального подходов. В результате, автором выделено четыре самостоятельных научных подхода к определению МРЮО и выявлена их прямая зависимость от узкой (ретроспективной) или широкой (двухаспектной) трактовки юридической ответственности. Обосновано, что преодоление методологической ограниченности «негативных» моделей требует смены парадигмы. На основе синтеза выделенных подходов определены пять инвариантных признаков механизма (нормативная организованность, системность и динамизм, интегративность, целевая направленность, обеспеченность государством) и ключевой системообразующий признак - дуализм форм реализации (добровольная, позитивная и государственно-принудительная, негативная). Ключевым результатом выступает авторская дефиниция МРЮО, как нормативно организованной динамической системы, функционирующей через единство добровольных и государственно-принудительных форм. Теоретическая и практическая значимость предложенной модели состоит в создании инструмента для гармонизации регулятивного и охранительного блоков права, а также его материальных и процессуальных отраслей, развития поощрительных институтов и перехода от сугубо карательной к восстановительно-превентивной парадигме правоприменения и юридической ответственности.

Ключевые слова: Механизм реализации юридической ответственности, механизм правового регулирования, правовой механизм, юридическая ответственность, позитивная ответственность, негативная ответственность, двухаспектная концепция.

VLASOV Vyacheslav Andreevich,
Postgraduate student of the second year of study,
Department of Public Law, Togliatti State University

Scientific supervisor: **LIPINSKY Dmitry Anatolyevich,**
Doctor in Law, Professor, Professor of the Department
of Public Law, Togliatti State University

MECHANISM FOR THE IMPLEMENTATION OF LEGAL RESPONSIBILITY: THE PROBLEM OF THE CONCEPT AND METHODOLOGICAL APPROACHES

Annotation. *The relevance of the research is conditioned by the persistent terminological ambiguity of the category "Mechanism for the implementation of legal responsibility" (MILR) and the absence of a holistic theory integrating the positive and negative aspects of responsibility. The aim of the work consists in a systematic analysis of the evolution of scientific approaches to the understanding of MILR, the identification of its essential features and the construction on this basis of an integrative theoretical model that overcomes the narrowness of retrospective interpretations. The methodological basis of the research is formed by dialectical and systemic approaches, which made it possible to examine the mechanism in the unity of statics and dynamics. The formal-legal method was used, as well as a synthesis of structural-element, procedural-stage, functional-target and instrumental approaches. As a result, the author identified four independent scientific approaches to defining MILR and revealed their direct dependence on a narrow (retrospective) or broad (dual-aspect) interpretation of legal responsibility. It is substantiated that overcoming the methodological limitations of "negative" models requires a paradigm shift. On the basis of a synthesis of the identified approaches, five invariant features of the mechanism have been determined (normative organization, systematicity and dynamism, integrative, goal orientation, state provision) and a key system-forming feature – the dualism of forms of realization (voluntary, positive and state-coercive, negative). The key result is the author's definition of MILR as a normatively organized dynamic system functioning through the unity of voluntary and state-coercive forms. The theoretical and practical significance of the proposed model consists in creating an instrument for harmonizing the regulatory and protective blocks of law, as well as its material and procedural branches, developing incentive institutions, and transitioning from a purely punitive to a restorative-preventive paradigm of law enforcement and legal responsibility.*

Key words: *Mechanism for the implementation of legal responsibility, mechanism of legal regulation, legal mechanism, legal responsibility, positive responsibility, negative responsibility, two-aspect concept.*

В современной юридической науке категория механизма реализации юридической ответственности (далее - МРЮО) продолжает оставаться предметом интенсивных теоретических дискуссий, несмотря на значительное число научных работ, посвящённых данной проблематике. Сама категория «механизм», проникнув в правоведение из технических и естественных наук, приобрела высокий статус в научных кругах, как эффективный инструмент познания [13], позволяющего описывать право, не как статичную совокупность норм, а как сложное, динамичное явление, имеющее свои структурные элементы и стадии. Мы привычно говорим о механизме правового регулирования [24], механизме государства [19], механизме правотворчества [20]. Широкое использование понятия «механизм», прочного понятия которого отечественная наука пока не предложила [18, с. 79], породило его терминологическую многозначность: под правовым механизмом, нередко, понимают любую упорядоченную совокупность правовых явлений, что лишает категорию строгого научного статуса [2, с. 170, 172].

Эта неопределённость усугубляется плюрализмом исходных концепций юридической ответ-

ственности, на которые опираются исследователи: одни сводят ответственность к реакции государства на правонарушение, другие трактуют её как двуединый феномен, охватывающий как ретроспективный, так и позитивный аспекты. Множественность подходов создаёт терминологическую напряжённость, препятствующую формированию целостной теории, без которой невозможна эффективная законотворческая и правоприменительная деятельность.

Учёные, оперируя одним термином, зачастую подразумевают качественно различные явления: для одних - это процессуальный порядок привлечения к ответственности, для других - совокупность правовых средств, применяемых к правонарушителю, для третьих - стадии развития ответственности во времени. Такая множественность теоретических подходов, с одной стороны, обогащает юридическую науку, демонстрируя эволюцию юридической мысли, но с другой стороны, создаёт своего рода терминологическую напряжённость, препятствующую формированию целостной теории реализации юридической ответственности, без которой невозможна эффективная законотворческая и правоприменительная деятельность.

Формирование представлений о МРЮО наглядно демонстрирует, как теория ответственности определяет архитектуру её механизма. На протяжении XX века в науке безраздельно господствовал инструментальный подход, восходящий к теории механизма правового регулирования С.С. Алексеева [1], ставшую для многих методологической и теоретической основой исследования правовых явлений в целом [23, с. 125–126], а юридическая ответственность трактовалась, исключительно, в негативном (ретроспективном) ключе [11]. В этой парадигме механизм сводился к линейной последовательности: норма с санкцией; правонарушение; охранительное правоотношение; акт применения наказания. Такая конструкция, при всей её строгости, оставляла без внимания добровольную форму реализации ответственности и деятельность государства по стимулированию правомерного поведения. С появлением двухаспектной (единой) концепции ответственности в результате активных дискуссий о позитивной юридической ответственности [25, 7, 27] ее теоретическом осмыслении, стали развиваться многомерные модели, отражающие сложность феномена. Их авторы начали отходить от упрощённых линейных схем, предлагая более сложные, многомерные модели механизма.

Анализ диссертационных исследований рубежа XX–XXI веков позволяет выделить четыре самостоятельных подхода к определению МРЮО, различающихся по тому, какой аспект выдвигается на передний план. Зачастую, авторы исследуют определённую грань (аспект) механизма, не раскрывая его сущность в полном объеме. При этом два последних подхода иногда пересекаются, а некоторые исследователи, вполне осознанно, комбинируют элементы разных концептуальных схем, что свидетельствует о постепенном движении к синтезу.

Процессуально-стадийный подход, акцентирует внимание на динамической природе МРЮО, рассматривая его, как развёртывающийся во времени, процесс перехода от нормативной абстракции к конкретному правоотношению и после к реальному претерпеванию правовых последствий. Так Т.С. Бычкова определяет МРЮО, как: «состоящий из определённых стадий процесс реализации функций юридической ответственности, в ходе которого осуществляется, с одной стороны, взаимосвязь между его субъектами, а с другой, воздействие государства на субъекта - носителя юридической ответственности» [3, с. 20]. Ключевая особенность этого определения - понимание механизма именно как процесса, развёрнутого во времени и стадийно. Здесь не просто перечисляются элементы, а фиксируется движение, смена состояний, взаимодействие участни-

ков. Такой подход позволяет исследовать не только формальные процедуры, но и реальные социальные взаимодействия, возникающие при применении мер ответственности.

И.А. Кузьмин, разрабатывая дуалистическую концепцию объективного и субъективного аспектов ответственности, выстраивает трёхстадийную модель: статика существования нормативной базы и общей обязанности соблюдения запретов, возникновение субъективной ответственности, фактическое претерпевание неблагоприятных последствий. При этом автор хоть и критикует позитивную ответственность, но выделяет добровольную и государственно-принудительную формы реализации, что сближает его позицию с двухаспектным пониманием [9, с. 12-14]. Однако, принципиальное ограничение данной модели состоит в том, что началом движения механизма всегда выступает правонарушение, вследствие чего, позитивная ответственность остаётся за рамками анализа. Механизм здесь не просто процесс, а общая схема, объясняющая динамику перехода от абстрактной нормы к конкретному правоотношению и далее - к реальному исполнению. Такой подход обеспечивает стройное диалектическое единство объективного и субъективного, статичности и динамики, но не объясняет функционирование ответственности в условиях правомерного поведения.

Структурно-элементный подход восходит к классической теории С.С. Алексеева и сосредоточен на элементном составе и системных связях. Е.В. Сандальникова определяет МРЮО как: «структурно упорядоченную систему, состоящую из взаимосвязанных элементов, находящихся в тесном взаимодействии друг с другом» [22, с. 19], и включает в элементный состав: нормы права, правоотношения и акты применения [22, с. 19], но, применительно к публичной службе, органично сопрягает стадии позитивной ответственности (формализация статуса, добросовестное исполнение, поощрение) с негативной, что расширяет арсенал механизма стимулирующими, информационными и воспитательными средствами. А.Г. Самусевич, исследуя институт процессуального расследования правонарушения, предлагает функциональный ракурс, в рамках которого ключевое значение приобретает деятельность компетентных органов, связывающая абстрактную норму с конкретным актом. В его структурно-элементной модели выделяются четыре компонента – организационный (субъекты), нормативный, инструментальный и функциональный (правоотношения), причём автор специально подчёркивает, что механизм «обеспечивает динамику юридической ответственности» [21, с. 10], то есть является не статичной конструкцией, а живой,

функционирующей системой. Такой ракурс особенно важен для понимания процессуальных аспектов реализации ответственности, где организационно-властная деятельность субъектов правоприменения становится связующим звеном между абстрактной нормой и конкретным актом реализации.

Функционально-целевой (телеологический) подход фокусируется на целях, принципах и назначении механизма. К.М. Геворгян определяет МРЮО в узком смысле, как: «подсистему механизма правового регулирования, представляющую собой совокупность правовых средств, функционирующих на основе определённых принципов и обеспечивающих поступенчатое достижение целей юридической ответственности, от стадии правотворчества до стадии непосредственного применения особых мер государственного принуждения» [4, с. 14]. Автор включает в структуру: нормы, правоотношения, акты применения и статус лица, причём принципы (в том числе целесообразность) выводятся на уровень динамических закономерностей [4, с. 14]. Такой подход является оригинальным теоретическим решением, подчёркивающим процессуальную природу МРЮО и его ценностную ориентированность. Смещается фокус с вопроса «из чего состоит механизм?» на вопросы «ради чего он действует?» и «как именно он достигает цели?». Принципиально важно, что механизм начинается не с правонарушения, а с правотворчества, с момента установления норм ответственности, что отличает его от узкоохранительных трактовок.

Инструментально-интегративный подход развивается в рамках двухаспектной концепции. В.В. Лучков рассматривает юридическую ответственность как сквозной элемент механизма правового регулирования, пронизывающий все его стадии: нормы права одновременно регулируют и охраняют; ответственность присутствует в нормотворчестве, регулятивных и охранительных правоотношениях, а также в актах применения, связывающих нормативную модель с реальным поведением [12, с. 9-12]. Это позволяет трактовать юридическую ответственность как системообразующее явление, функционирующее в перспективном (позитивная ответственность, поощрения, стимулирование должного поведения) и ретроспективном режимах в рамках единого регулятивно-охранительного процесса. А.В. Катарасов уточняет превентивную функцию, предлагая двухблочную структуру: информационно-воспитательный блок действует постоянно, формируя правосознание и законопослушное поведение, а санкционный запускается лишь при правонарушении [5, с. 11]. Это уточнение показывает ответственность как непрерывный фактор социальной

регуляции, а не эпизодическое принуждение, и прямо вытекает из двухаспектного понимания феномена. Как верно отмечает автор, «цель предупреждения правонарушений достигается только посредством достижения целей формирования правомерного поведения субъектов юридической ответственности» [5 с. 20].

Проведённый анализ показывает, что различия между подходами сводятся к трём ключевым позициям: что первично - процесс, структура или цель; предпочтительнее статическое или динамическое описание; рассматриваются ли принципы и цели, как элементы структуры или как внешние закономерности.

При этом, все подходы прямо зависят от принятой концепции ответственности: сторонники двухаспектного понимания (Е.В. Сандальникова, В.В. Лучков, А.В. Катарасов, Т.С. Бычкова) включают в механизм стадии правомерного поведения и поощрения, и делят механизм на два блока. Так прямо заявляется о теоретической верности широкого целостного понимания юридической ответственности в единстве её негативного и позитивного аспектов [22, с. 11-12.], отмечается что превенция должна исходить из понимания юридической ответственности, как целостного правового явления, включающего позитивный и негативный аспекты реализации [5, с. 4], вводится понятие акты применения позитивной юридической ответственности (меры поощрения), анализируются поощрительные санкции и выстраивается двухблочный механизм, соответствующий двум формам ответственности [12, С. 18]. Тогда как приверженцы ретроспективной трактовки (И.А. Кузьмин, А.Г. Самусевич, с оговоркой - К.М. Геворгян) ограничивают МРЮО охранительным правоотношением и процедуре привлечения к ответственности в рамках реакции на совершенное правонарушение, называя позитивную юридическую ответственность «пагубной тенденцией» [9, с. 8], некоторые авторы, хотя прямо и не отрицают существование позитивной формы, но строят анализ механизма, прежде всего, в контексте реагирования на правонарушение [4, с. 6].

Однако, все подходы объединяет признание ряда инвариантных сущностных признаков МРЮО, без которых он не может быть адекватно описан.

Во-первых, это нормативная организованность. Механизм обладает прочной, системной нормативной основой: нормы права, устанавливающие юридическую ответственность. Каждая норма права едина и одновременно выполняет обе функции (в каких-то нормах доминирует регулятивный потенциал, в каких-то - охранительный), но все они имеют двойственную природу: «Регулируя, нормы права вместе с тем и охраняют, а

охраняя - регулируют» [12, с. 9]. Двухаспектный взгляд требует включения в нормативную базу как оснований позитивной ответственности (диспозиции, поощрительные санкции), так и гарантий негативной (охранительные санкции, процессуальные нормы).

Во-вторых, системность и динамизм. МРЮО представляет собой не хаотичный набор элементов, а систему, где каждый компонент занимает строго определённое место и выполняет специфическую функцию. При этом система не статична: ей присущ внутренний динамизм, постоянное движение, последовательный переход от одной стадии к другой – от принятия норм до достижения конечного результата. Динамизм является сущностной характеристикой движения в праве, отражая интенсивность протекающих в нём процессов. При этом статика и динамика права неразрывно связаны: в статичном состоянии система законодательства выполняет превентивную роль, а для реализации регулятивной задачи правовые нормы вступают в действие, порождая движение, которое находится в прямой зависимости от системы права и системы законодательства [14, с. 124–125].

В-третьих, интегративность, понимаемая как материально-процессуальное единство. Механизм органично объединяет материально-правовое содержание (модели поведения, права и обязанности, существо мер ответственности) и процессуально-правовые формы (порядок реализации этих прав и обязанностей, процедуры применения мер). Одно служит фундаментом конструкции, а второе обеспечивает её движение. «Если нормы материального права определяют содержание прав и обязанностей, то процессуальные регулируют порядок, процедуру исполнения первого рода норм» [цит. по: 28, с. 2]. Именно эта имманентная взаимосвязь, при которой процессуальная форма является способом объективации материального содержания, и составляет основу интегративного единства МРЮО. Только в их неразрывном единстве механизм обретает способность к реальному, а не фиктивному функционированию.

В-четвёртых, целевая направленность. Все элементы и стадии механизма подчинены достижению единой генеральной цели - обеспечению правопорядка и защите прав и законных интересов личности, общества и государства. Эта цель конкретизируется в спектре функций юридической ответственности: охранительной, регулятивной, превентивной, воспитательной, восстановительной. Общефилософское обоснование этому признаку даёт диалектический подход к соотношению целей и средств. Так, правовая норма не только фиксирует модель должного поведения как цель,

но и сама выступает важнейшим юридическим средством, «посредством установленного правила поведения достигаются юридические цели» [8, с. 28]. Аналогичным образом правоотношение, будучи средством реализации нормативно-установленных целей, одновременно является и целью для участников, вступающих в него для удовлетворения своих законных интересов [8 с. 29–30]. Эффективность механизма предопределяется не просто наличием задекларированных целей, а их корреляцией с конкретными правовыми средствами на каждой стадии от нормативного закрепления до фактического претерпевания последствий.

В-пятых, обеспеченность государством. Функционирование механизма в обоих режимах гарантируется мощью государства. Все без исключения авторы подчёркивают государственно-властный характер юридической ответственности. Обеспечение права государством опирается на разветвлённую систему средств, которые распадаются на две качественно различные группы - негативные (принудительные) и позитивные. Принципиальное своеобразие позитивных средств заключается в иной направленности обеспечения: они не охраняют и не защищают уже существующие права, а формируют такую социальную и институциональную среду, в которой использование права становится максимально комфортным, выгодным и естественным для самого субъекта [29]. Государство гарантирует его устойчивое функционирование в позитивном режиме, задействуя такие инструменты, как правовое поощрение, эффективная организующая деятельность и деятельное содействие реализации прав личности. Для негативной формы - это потенциал государственного принуждения, аппарат принуждения; для позитивной – не только авторитет государства, но и его организационные, материальные, финансовые ресурсы, необходимые для реализации поощрительных мер, правового просвещения, поддержания правовой культуры.

Ключевым системообразующим признаком интегративной модели выступает дуализм форм реализации, оформленный как два взаимосвязанных режима. Позитивный режим действует постоянно, переводя нормы в правомерное поведение через общерегулятивные отношения, правосознание и государственное поощрение. Негативный режим активируется при правонарушении, запускает охранительные отношения, расследование и санкции. Эти режимы не изолированы: угроза негативного принуждения стимулирует позитивную работу, а её эффективность снижает частоту карательных реакций; даже в негативном режиме сохраняются возможности для позитивного пост-

криминального поведения. Данная конструкция обобщает уже существовавшие в двухаспектной группе подходы: Катасонов представил эмпирическую модель двухблочного режима, правомерного поведения и претерпевания последствий. Кузьмин выделил добровольную и государственно-принудительную формы хоть, и не поддерживая позитивную ответственность, а Лучков зафиксировал акты позитивной ответственности (поощрение). Таким образом, концепция двух режимов терминологически закрепляет и системно интегрирует ранее разрозненные идеи, опираясь на превентивную логику и общую превенцию.

Таким образом, эволюция представлений о МРЮО в отечественной науке представляет собой движение от линейных, жёстко детерминированных моделей (инструментализм) к сложным, многоуровневым конструкциям, вбирающим в себя как статические, так и динамические элементы, как негативные, так и позитивные аспекты. Доминирующие негативные подходы, будучи плодотворными для анализа ретроспективной ответственности, обнаруживают методологическую ограниченность, не позволяя адекватно описать реализацию ответственности в её позитивной, добровольной форме.

Преодоление этой «негативной тенденции» возможно только на основе смены методологической парадигмы – перехода к двухаспектной (интегративной) концепции юридической ответственности, рассматривающей ответственность, как единое целостное явление, диалектически объединяющее позитивную и негативную формы. Из признания единства ответственности с логической необходимостью следует признание единства механизма её реализации. Он не может сводиться только к применению санкций или к процессуальному порядку привлечения к ответственности; такой механизм обеспечивал бы функционирование лишь одной, хотя и исключительно важной, но не единственной формы ответственности. Более того, современное понимание этого механизма требует синтеза всех рассмотренных подходов: использование структурно-элементной методологии для описания архитектоники, процессуально-динамической – для анализа стадийности и разграничения объективного и субъективного, телеологической – для оценки эффективности. Такая логика синтеза восходит к идеям Б.А. Кистяковского, который ещё в начале XX века указывал, что изолированное развитие аналитического, социологического, психологического и философского взглядов на право даёт лишь одностороннее знание, тогда как подлинное познание требует их объединения в целостной концепции [цит. по: 17, с. 22]. Только такой комплексный синтез позво-

ляет преодолеть односторонность ранних теорий и создать адекватную теоретическую модель, способную объяснить функционирование юридической ответственности как в режиме правомерной реализации, так и в режиме принудительного воздействия. Как справедливо отмечает И.Г. Напалкова, в современной юриспруденции формирование интегративной методологии, способной непротиворечиво объединить различные грани правового феномена, становится насущной необходимостью [17, с. 22].

Перечисленные нами признаки – системность, динамизм, целевая направленность – не являются рядоположенными, но методологически взаимообусловлены. Применение системного подхода к правовым механизмам предполагает, во-первых, его «структурную организацию, которая включает в себя определенные элементы», во-вторых, «согласованность этих элементов», в-третьих, «системность организации элементов, которая определяет целенаправленный характер механизма», и, в-четвертых, «предрасположенность к изменениям» [26, С. 20-21]. Иными словами, именно системное единство статики (структуры) и динамики (процесса) и задает целевую ориентацию всего механизма, что в нашем исследовании обосновывает необходимость синтеза различных подходов.

Синтезируя эвристический потенциал предшествующих научных подходов и опираясь на прочный методологический фундамент двухаспектной концепции, представляется возможным сформулировать следующее авторское определение.

Механизм реализации юридической ответственности – это нормативно организованная, динамическая система взаимосвязанных правовых средств и процедур, функционирующая на основе общих принципов права и обеспечивающая последовательное достижение целей юридической ответственности, через единство добровольных (позитивных) и государственно-принудительных (негативных) форм осуществления правовых обязанностей субъектами, на основе сочетания регулятивного и охранительного потенциала права. В структуре данного механизма выделяются четыре основных элемента: нормативно-правовой (совокупность норм материального и процессуального права), субъектный (носители ответственности, субъекты, уполномоченные применять меры ответственности и поощрения, выгодоприобретатели), правоотношенческий (общерегулятивные и охранительные правоотношения) и инструментальный (акты реализации – поощрительные и правоприменительные). Принципы при этом рассматриваются, не как самостоя-

тельные структурные элементы, а как динамические закономерности функционирования механизма, задающие вектор и гибкость правоприменению. Детальный анализ каждого элемента и их структурно-функциональных связей составляет предмет отдельного исследования.

Предложенная модель МРЮО требует четкого отграничения от смежной категории механизма правового регулирования. МРЮО является специализированной подсистемой общего механизма правового регулирования, одновременно входя в регулятивный блок (обеспечивая реализацию позитивной ответственности) и в охранительный блок (обеспечивая реакцию на правонарушения), выполняя важнейшую связующую функцию, обеспечивающую единство и взаимодействие этих двух блоков. Признание позитивного аспекта ответственности обосновывает необходимость развития поощрительных институтов и процедур оценки добросовестного поведения. Интегративное понимание механизма способствует гармонизации материальных и процессуальных отраслей права, устраняя разрыв между регулятивными предписаниями и процедурами их реализации.

Дальнейшие исследования в этой области должны быть направлены на детальную разработку стадий МРЮО в рамках двухаспектной модели с учётом отраслевой специфики, анализ роли поощрительных норм и актов в динамике механизма, исследование влияния цифровизации на трансформацию МРЮО, а также сравнительно-правовой анализ механизмов реализации ответственности в различных правовых системах. Решение этих задач будет способствовать дальнейшему развитию общей теории юридической ответственности и повышению эффективности правоприменительной практики, обеспечивая переход от карательной парадигмы к восстановительной и превентивной. В конечном счете, как и в общей теории права, где «постижение механизма правового регулирования позволяет системно представить явления правовой действительности... и характеризовать эффективность правового регулирования» [16, с. 81-82], разработка интегративной модели механизма реализации юридической ответственности направлена не на схоластическое теоретизирование [15], а на создание инструмента для оценки и повышения эффективности правоприменительной практики, ее гармонизацию в соответствии с задачами демократического правопорядка.

Список литературы:

[1] Алексеев, С.С. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 3: Проблемы теории права: Курс лекций. - М.: Статут, 2010. 781 с.

[2] Беляева, Г.С. Правовой механизм: к вопросу об определении понятия и установлении признаков // Административное и муниципальное право. - 2016. - № 2. - С. 169-177.

[3] Бычкова, Т. С. Взаимодействие государства и гражданского общества в механизме реализации юридической ответственности: специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве»: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Бычкова Татьяна Сергеевна. – Владимир, 2008. – 25 с.

[4] Геворгян, К. М. Принцип целесообразности в механизме реализации юридической ответственности: специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве»: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Геворгян Карен Микаелович. – Казань, 2012. – 27 с.

[5] Катасонов, А. В. Превентивная функция юридической ответственности специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве»: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Катасонов Александр Вячеславович. – Казань, 2010. – 26 с.

[6] Козловских, Е. А. Механизм реализации юридической ответственности в сфере правоприменительной деятельности органов внутренних дел (Теоретический и прикладной аспекты): специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве»: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Козловских Екатерина Анатольевна. – Санкт-Петербург, 2006. – 23 с.

[7] Кудрявцев, В.Н. Закон, поступок, ответственность / В.Н. Кудрявцев. – Москва: Наука, 1986. – 448 с.

[8] Куликов, М. А. Юридические цели и средства как основа механизма правового регулирования / М. А. Куликов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. – 2022. – № 2. – С. 25-33.

[9] Кузьмин, И. А. Теоретические проблемы понимания и реализации юридической ответственности: специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве»: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Кузьмин Игорь Александрович. – Санкт-Петербург, 2012. – 17 с.

[10] Кузьмин, И.А. Юридическая ответственность и ее реализация: учеб. пособие. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. – 219 с.

[11] Лейст, О.Э. Санкции и ответственность по советскому праву / О.Э. Лейст. – Москва: Изд-во МГУ, 1981. С. 103.

[12] Лучков, В. В. Юридическая ответственность в механизме правового регулирования:

специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве»: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Лучков Владимир Викторович. – Казань, 2004. – 20 с.

[13] Мартюшов, В. Ф. Понятие «механизм» в контексте изучения социальных процессов / В. Ф. Мартюшов // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. – 2015. – № 3. – С. 94–103.

[14] Медяков, Т. С. Динамика и системный характер движения (перемещения) в праве / Т. С. Медяков // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. – 2016. – Т. 26, № 5. – С. 124–128.

[15] Мильков, А. В. Позитивная юридическая ответственность как продукт схоластического теоретизирования / А. В. Мильков // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2024. – № 4(68). – С. 29–37.

[16] Миронов, В. О. О механизмах правового регулирования и правового воздействия / В. О. Миронов, Н. В. Зин // Право и государство: теория и практика. – 2020. – № 11(191). – С. 80–82.

[17] Напалкова, И. Г. Формирование и развитие концептуальных идей интегративного правового понимания / И. Г. Напалкова // Философия права. – 2021. – № 1(96). – С. 20–26.

[18] Панкова, О. В. Основные направления исследований механизмов в праве в современной научной доктрине / О. В. Панкова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2020. – № 1(40). – С. 66–80.

[19] Парасюк, Е. А. Механизм государства: к исследованию понятия / Е. А. Парасюк // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2009. – № 2. – С. 176–182.

[20] Петрова, Е. А. Механизм правотворчества в контексте сравнительно-правового исследования / Е. А. Петрова // Государственно-правовые исследования. – 2020. – № 3. – С. 150–153.

[21] Самусевич, А. Г. Институт процессуального расследования правонарушения в механизме реализации юридической ответственности (теоретико-правовой аспект): специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве»: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Самусевич Алексей Геннадьевич. – Казань, 2012. – 17 с.

[22] Сандальникова, Е. В. Юридическая ответственность государственных гражданских служащих в Российской Федерации (теоретико-правовое исследование): специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве»: автореф.

дис. ... канд. юрид. наук / Сандальникова Елена Владимировна. – Казань, 2007. – 25 с.

[23] Семитко, А.П. Механизм правового регулирования С. С. Алексеева как реализация системного подхода // Вестник Гуманитарного университета. 2019. № 4 (27). С. 114–126.

[24] Тарасов, Н. Н. Механизм правового регулирования: становление понятия / Н. Н. Тарасов // Российский юридический журнал. – 2020. – № 5(134). – С. 90–115.

[25] Тархов, В.А. Ответственность по советскому гражданскому праву / В.А. Тархов. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1973. – 456 с.

[26] Удодова, М. А. Категории «механизм», «правовой механизм» и системное изучение юридической действительности / М. А. Удодова // Право и государство: теория и практика. – 2016. – № 6(138). – С. 20–24.

[27] Хачатуров, Р.Л. Юридическая ответственность / Р.Л. Хачатуров, Р.Г. Ягтян. – Тольятти: Международная академия бизнеса и банковского дела. 1995. – 200 с.

[28] Шагиева, Р. В. Процессуальное право в системе российского права / Р. В. Шагиева // ВВ: Административное право и практика администрирования. – 2014. – № 2. – С. 1–18.

[29] Шафиров, В. М. Естественно-позитивное право: введение в теорию: монография / В. М. Шафиров. – Красноярск: ИЦ КрасГУ, 2004. – 259 с.

References:

[1] Alekseev, S.S. Collected Works. In 10 vols. Vol. 3: Problems of the Theory of Law: A Course of Lectures. – Moscow: Statut, 2010. 781 p.

[2] Belyaeva, G.S. Legal Mechanism: On the Question of Defining the Concept and Establishing Features // Administrative and Municipal Law. – 2016. – No. 2. – P. 169–177.

[3] Bychkova, T.S. Interaction of the State and Civil Society in the Mechanism of Realization of Legal Responsibility: specialty 12.00.01 “Theory and History of Law and State; History of Doctrines of Law and State”: abstract of dissertation ... candidate of legal sciences / Bychkova Tatiana Sergeevna. – Vladimir, 2008. – 25 p.

[4] Gevorgyan, K.M. The Principle of Expediency in the Mechanism of Realization of Legal Responsibility: specialty 12.00.01 “Theory and History of Law and State; History of Doctrines of Law and State”: abstract of dissertation ... candidate of legal sciences / Gevorgyan Karen Mikaelovich. – Kazan, 2012. – 27 p.

[5] Katasonov, A.V. Preventive Function of Legal Responsibility: specialty 12.00.01 “Theory and History of Law and State; History of Doctrines of Law and State”: abstract of dissertation ... candidate of

legal sciences / Katasonov Alexander Vyacheslavovich. – Kazan, 2010. – 26 p.

[6] Kozlovskikh, E.A. Mechanism of Realization of Legal Responsibility in the Sphere of Law Enforcement Activity of Internal Affairs Bodies (Theoretical and Applied Aspects): specialty 12.00.01 "Theory and History of Law and State; History of Doctrines of Law and State": abstract of dissertation ... candidate of legal sciences / Kozlovskikh Ekaterina Anatolyevna. – Saint Petersburg, 2006. – 23 p.

[7] Kudryavtsev, V.N. Law, Act, Responsibility / V.N. Kudryavtsev. – Moscow: Nauka, 1986. – 448 p.

[8] Kulikov, M.A. Legal Goals and Means as the Basis of the Mechanism of Legal Regulation / M.A. Kulikov // Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Jurisprudence. – 2022. – No. 2. – P. 25-33.

[9] Kuzmin, I.A. Theoretical Problems of Understanding and Realization of Legal Responsibility: specialty 12.00.01 "Theory and History of Law and State; History of Doctrines of Law and State": abstract of dissertation ... candidate of legal sciences / Kuzmin Igor Alexandrovich. – Saint Petersburg, 2012. – 17 p.

[10] Kuzmin, I.A. Legal Responsibility and Its Realization: textbook. – Irkutsk: IGU Publishing House, 2013. – 219 p.

[11] Leist, O.E. Sanctions and Responsibility under Soviet Law / O.E. Leist. – Moscow: Moscow University Publishing House, 1981. 103 p.

[12] Luchkov, V.V. Legal Responsibility in the Mechanism of Legal Regulation: specialty 12.00.01 "Theory and History of Law and State; History of Doctrines of Law and State": abstract of dissertation ... candidate of legal sciences / Luchkov Vladimir Viktorovich. – Kazan, 2004. – 20 p.

[13] Martyushov, V.F. The Concept of "Mechanism" in the Context of Studying Social Processes / V.F. Martyushov // Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy. – 2015. – No. 3. – P. 94-103.

[14] Medyakov, T.S. Dynamics and Systemic Nature of Movement (Displacement) in Law / T.S. Medyakov // Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law. – 2016. – Vol. 26, No. 5. – P. 124-128.

[15] Milkov, A.V. Positive Legal Responsibility as a Product of Scholastic Theorizing / A.V. Milkov // Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – No. 4(68). – P. 29-37.

[16] Mironov, V.O. On the Mechanisms of Legal Regulation and Legal Impact / V.O. Mironov, N.V. Zin // Law and State: Theory and Practice. – 2020. – No. 11(191). – P. 80-82.

[17] Napalkova, I.G. Formation and Development of Conceptual Ideas of Integrative Legal Understanding / I.G. Napalkova // Philosophy of Law. – 2021. – No. 1(96). – P. 20-26.

[18] Pankova, O.V. Main Directions of Research on Mechanisms in Law in Modern Scientific Doctrine / O.V. Pankova // Bulletin of Voronezh State University. Series: Law. – 2020. – No. 1(40). – P. 66-80.

[19] Parasyuk, E.A. Mechanism of the State: Towards the Study of the Concept / E.A. Parasyuk // Bulletin of Adyghe State University. Series 1: Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Science, Culturology. – 2009. – No. 2. – P. 176-182.

[20] Petrova, E.A. Mechanism of Law-Making in the Context of Comparative Legal Research / E.A. Petrova // State-Legal Research. – 2020. – No. 3. – P. 150-153.

[21] Samusevich, A.G. The Institute of Procedural Investigation of an Offense in the Mechanism of Realization of Legal Responsibility (Theoretical-Legal Aspect): specialty 12.00.01 "Theory and History of Law and State; History of Doctrines of Law and State": abstract of dissertation ... candidate of legal sciences / Samusevich Aleksey Gennadyevich. – Kazan, 2012. – 17 p.

[22] Sandalnikova, E.V. Legal Responsibility of State Civil Servants in the Russian Federation (Theoretical-Legal Research): specialty 12.00.01 "Theory and History of Law and State; History of Doctrines of Law and State": abstract of dissertation ... candidate of legal sciences / Sandalnikova Elena Vladimirovna. – Kazan, 2007. – 25 p.

[23] Semitko, A.P. The Mechanism of Legal Regulation of S.S. Alekseev as Implementation of the Systemic Approach // Bulletin of the Humanities University. – 2019. – No. 4(27). – P. 114-126.

[24] Tarasov, N.N. Mechanism of Legal Regulation: Formation of the Concept / N.N. Tarasov // Russian Juridical Journal. – 2020. – No. 5(134). – P. 90-115.

[25] Tarkhov, V.A. Responsibility under Soviet Civil Law / V.A. Tarkhov. – Saratov: Saratov University Publishing House, 1973. – 456 p.

[26] Udodova, M.A. Categories "Mechanism", "Legal Mechanism" and Systemic Study of Legal Reality / M.A. Udodova // Law and State: Theory and Practice. – 2016. – No. 6(138). – P. 20-24.

[27] Khachaturov, R.L. Legal Responsibility / R.L. Khachaturov, R.G. Yagutyan. – Togliatti: International Academy of Business and Banking, 1995. – 200 p.

[28] Shagieva, R.V. Procedural Law in the System of Russian Law / R.V. Shagieva // NB: Administrative Law and Practice of Administration. – 2014. – No. 2. – P. 1-18.

[29] Shafirov, V.M. Natural-Positive Law: Introduction to the Theory: monograph / V.M. Shafirov. – Krasnoyarsk: KrasSU Publishing Center, 2004. – 259 p.